

© — 1995 И. А. ЭБАНОИДЗЕ

**«ОПЬЯНЕННАЯ ПЕСНЬ» ИЛИ
«НРАВОУЧИТЕЛЬНАЯ ПРИТЧА»?**
(Новелла Томаса Манна «Смерть в Венеции»)

Анализируя двойную природу и взаимосвязь различных смысловых пластов новеллы, автор показывает ее роль в творческой эволюции писателя, в формировании художественного своеобразия манновской эпикки. Особое внимание обращено на лиризм и многоплановость финала новеллы и значение образа Тадзио.

Der Autor analysiert die Doppelnatur und den Zusammenhang der verschiedenen Gehaltschichten der Novelle, und zeigt ihre Rolle in der schöpferischen Evolution Thomas Manns und im Werden der Eigenarten seines Epischen. Insbesondere werden die Lyrik und die Vieldeutigkeit des Novellen-Schlusses und der Figur Tadzios beachtet.

Одна из главных загадок новеллы Томаса Манна «Смерть в Венеции» (1912) — в том, что она порождена двумя как бы взаимоисключающими настроениями, пронизана пафосом развенчания, «лишения достоинства» (см. [1, с. 441]) и пафосом «гимнического восторга», которые сливаются в самом тексте в новое и органичное целое. Об этой двойной природе новеллы, о том, «что происхождение ее гимническое» и вместе с тем, что ее предметом была «страсть как смятение и унижение», недвусмысленно свидетельствует и сам автор в известном письме К. М. Веберу [2, с. 25—29] (а также в письме Ю. Бабу от 2.III.1913 г.).

Отечественное манноведение, немало внимания уделившее этой новелле, делало основной акцент на разоблачительном пафосе новеллы, на однозначности и абсолютности падения и осуждения Ашенбаха, рассматривая лирический и гимнический элементы новеллы как своего рода средство на службе у ее разоблачительного пафоса (см. [3, с. 38—42]). Такая позиция (ее опорой во многом послужили грешащие социологизмом воззрения на «Смерть в Венеции» Дьердя Лукача, но также и отдельные позднейшие высказывания о ней самого автора¹) представляется нам односторонней и упрощающей положение дел. К примеру, тональность и образность заключительной сцены новеллы остаются при этом подходе и вовсе необъяснимыми.

Попытаемся же выявить соотношение между различными содержательными пластами произведения и раскрыть подлинный смысл его финальной сцены.

В «Размышлениях аполитичного» (1918) Томас Манн определил жизненную цель «писательства» («Schriftstellertum») как «заботу о проблематичном я» [5, с. 12]. Применительно к творчеству Томаса Манна это определение с редкостной ясностью обозначает сущность и границы того, что следует понимать под личной проблематикой в его произведениях. Последняя не есть отображение или даже преобразование каких-то внешнебиографических коллизий, но в первую очередь

¹ Так, в письме к А. Майер (1938) Т. Манн замечает, что в некоторых психологических чертах Ашенбаха отражена тенденция эпохи, приведшая впоследствии к зарождению фашизма (см. [4, с. 183]). Следует учитывать, однако, политические взгляды Т. Манна того времени, побуждавшие его к некоторому пересмотру собственного творчества.